

ГИБЕЛЬ ГИРЕЯ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Золото и женщина—двѣ гибели, которыя ждутъ
человѣка, когда въ дѣло вмѣшается Шайтанъ.

Если высохла душа, дряблымъ стало тѣло—тогда золото.

Если кипить еще кровь и не погасъ огонь во взорѣ—тогда женщина.

Шайтанъ знаетъ, какъ кому угодить, чтобы потомъ лучше посмѣяться.

Казалось, не было на землѣ хана умнѣе солгатскаго; казалось, могущественный Арсланъ-Гирей имѣлъ все, чтобы быть довольнымъ. Сто три жены и двѣсти наложницъ, дворецъ изъ мрамора и порфира, сады и кофейни, безчисленные табуны лошадей и отары овецъ. Чего еще было желать?

Казалось такъ.

Но по ночамъ приходилъ къ Гирею кто-то и тревожилъ его мысль.

— Все есть, только мало золота.

— Откуда взять много золота,—спрашивалъ самъ себя Гирей. И не спалъ до утра.

И вотъ разъ, когда пришли къ нему беки, велѣлъ имъ созвать мудрецовъ со всего ханства.

Не знали беки—для чего, и каждый привелъ своего пріятеля, хотя бы онъ и не былъ мудрецъ.

— Средство хочу,—объявилъ ханъ,—чтобы камень золотомъ становился.

Подумали беки и мудрецы:—Помѣшался ханъ; если бы можно было такъ сдѣлать, давно бы люди сдѣлали.

Однако сказали:—Воля падишаха священна. Дай срокъ.

Черезъ недѣлю попросили:—Если можешь, подожди.

А черезъ двѣ, когда открыли ротъ, чтобы просить новаго срока, ханъ ихъ прогналъ.

Умный былъ ханъ.

— Пойду самъ поискать въ народѣ мудреца,—рѣшилъ онъ.

Беки отговаривали:—Не слѣдуетъ хану ходить въ народъ. Мало ли что можетъ случиться. Можетъ услышать ханъ такое, чего не должно слышать благородное ухо.

— Все же пойду.

Одѣлся дервишемъ и пошелъ.

Правду сказали беки. Много обиднаго услышалъ Гирей и о себѣ и о бекахъ, пока бродилъ по солгатскимъ базарамъ и кофейнямъ. Говорили и о послѣдней его затѣѣ:

— Помѣшался ханъ, изъ камня золото захотѣлъ сдѣлать. А иные добавляли:—Позвалъ бы нашего Кямилъ—джинджи, можетъ быть, что и вышло.

— А гдѣ живетъ Кямилъ—джинджи?

И ханъ пошелъ къ колдуну; рассказалъ ему, чего хочетъ.

Долго молчалъ джинджи.

— Ну, что же?

— Трудно будетъ... Если все сдѣлаешь, какъ скажу, можетъ, что и выйдетъ.

— Сдѣлаю.

И ханъ поклялся великою клятвою:—Да ослабѣютъ всѣ три печени, если не сдѣлаю такъ.

И повторилъ:—Учь талакъ бошь олсунъ.

Тогда сѣли въ арбу и поѣхали. Восемь дней ѣхали. На девятый подъѣхали къ Керченской горѣ.

— Теперь пойдёмъ.

Шли въ гору, пока не стала расти тѣнь. А когда остановились, джинджи началъ читать заклинаніе.

На девятомъ словѣ открылся камень и покатился въ глубину, а за нимъ двѣ змѣи, шипя, ушли въ подземный ходъ. Свѣтилась чешуя змѣй луннымъ свѣтомъ, и увидѣлъ ханъ по стѣнамъ подземелья нагихъ людей, пляшущихъ козлинъ танецъ.

— Теперь уже близко. Повторяй за мной: Хель-хала-халь.

И какъ только ханъ повторилъ эти слова, упали впереди желѣзные ворота, и ханъ вошелъ въ другой мѣръ.

Раздвинулись стѣны подземелья, брилліантами заискрились серебряные потолки. Стоялъ ханъ на грудѣ червонцевъ и цѣлыя тучи ихъ неслись мимо него.

Поднялся изъ земли золотой камень; кругомъ зажглись рубиновые огни и среди нихъ ханъ увидѣлъ дѣвушку, которая лежала на листѣ лотоса.

Завыла черная собака; вздрогнулъ джинджи.

— Не смотри на нее.

Но ханъ смотрѣлъ, зачарованный. Потускнѣли для него брилліанты; грубой мѣдью казалось золото, ничтожными всѣ сокровища мѣра.

Не слышалъ Гирей ея голоса, но все въ душѣ у него пѣло, пѣло пѣснь нѣжную, какъ аромать цвѣтущаго винограда.

— Скорѣй возьми у ногъ ея вѣтку,—бросился къ нему джинджи,—и всѣ богатства міра въ твоихъ рукахъ.

Поднялась съ ложа царевна.

— Арсланъ-Гирей не омрачить своей памяти, похитивъ у дѣвушки ея чары. Онъ былъ храбръ, чтобы притти и, придя, онъ полюбилъ меня. И онъ останется со мной.

Потянулись уста царевны навстрѣчу хану, заколебался воздухъ. Полетѣли золотыя искры, вынесли джинджи изъ нѣдръ Керченской горы и перебросили его на солгатскій базаръ.

Окружили его люди.

— Слышалъ? Пропалъ нашъ ханъ,—говорили ему.—Жаль Арсланъ-Гирея. Но джинджи тихо покачалъ головою.

— Не жалѣйте Гирея,—онъ нашель больше, чѣмъ искаль.

